

Научная статья. Исторические науки

УДК 94:323(594)

DOI: 10.31696/2072-8271-2024-1-1-62-149-162

ИНДОНЕЗИЯ: ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА РЕФОРМ (Часть 1.)

Алексей Юрьевич ДРУГОВ¹

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

alexdrugov37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1821-6873>

Аннотация: В статье рассматриваются изменения политической системы Индонезии после падения военно-авторитарного режима «нового порядка» в 1998 г. Внесенные в 1999-2002 гг. четыре пакета поправок в Конституцию Республики Индонезии и ряд законодательных актов имели целью демократизацию процессов формирования и функционирования органов законодательной и исполнительной власти. Наряду с этими реформами и очевидными достижениями в развитии экономики и упрочением позиций страны на международной арене, Индонезии приходится преодолевать наследие трех десятилетий диктатуры. Среди самых острых проблем преодоление неравномерности развития как между социальными слоями, так и регионами страны. Социальное неравенство, как и сохранение монополии государственной идеологии, способствует развитию исламского радикализма.

Ключевые слова: «Новый порядок», поправки в конституцию, демократизация, органы власти, последствия военного режима, успехи, социальное неравенство, панча сила, исламский радикализм

Для цитирования: Другов А.Ю. Индонезия: четверть века реформ (Часть 1.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2024, Том 1, № 1 (62). С. 149–162. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-1-1-62-149-162

Original article. Historical science

INDONESIA: QUARTER OF CENTURY OF REFORMS (Part 1.)

Alexey Yu. DRUGOV¹

¹Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,

alexdrugov37@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1821-6873>

Abstract: The article deals with the changes of the political system in Indonesia after the fall of the military-authoritarian “The New Order Regime” in 1998. Four parcels of amendments to the Constitution in 1999-2002 and several laws were aimed at democratization of forming process

and functioning of legislative and executive organs. Besides these changes and real achievements in the economic development and strengthening Indonesia's international role, the country still has to overcome the heritage of three decades of the dictatorship regime. Among the most acute problems are inequality and disparity of development both social groups and regions. Social inequality as well as the monopoly of state ideology promotes development of radical Islam.

Keywords: *amendments to the Constitution, democratization, power and state institutions, military regime heritage, achievements, social inequality, state ideology Panca Sila, radical Islam*

For citation: Drugov A.Yu. Indonesia: Quarter of Century of Reforms (Part 1.). *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2024, T. 1, № 1 (62). Pp. 149–162. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-1-1-62-149-162

Минуло четверть века со времени событий, которые ознаменовали в известном смысле смену вех в истории Республики Индонезии. В 1998 г. военно-репрессивный режим «Новый порядок», властвовавший с 1966 г., сменила «Система реформ». Банкротство военного режима было вызвано рядом причин. Одна из них заключалась в том, что, обеспечив существенный прогресс в экономическом развитии, «Новый порядок» не нашел в себе силы адаптироваться к социальным изменениям в обществе, включая существенный рост образовательного уровня, массированный информационный поток в сочетании с еще более откровенным социальным расслоением, порожденным развитием капиталистической экономики.

Антирежимные выступления в 1997–1998 гг. убедили значительную часть элиты в том, что она сможет остаться у власти, только изменив методы управления и создав у масс ощущение политического участия.

Оценивая результаты реформ, необходимо иметь в виду, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, как представляется, мы имеем дело с преодолением векового культурного и социального наследия ряда эпох. Начнем с того, что Нидерланды (в отличие, например, от Великобритании) не были индустриальной страной и соответственно не были заинтересованы в повышении покупательной способности населения своей колонии и, следовательно, в развитии неаграрного производства, связанных с ним рабочих мест, квалифицированной рабочей силы.

В период независимости правительство Сукарно сосредоточивалось на политических проблемах, отодвигало экономику на второй план, подспудно опасаясь, что экономическое развитие обнаружит

социальные противоречия вопреки постулатам официальной народнической идеологии. Это породило побочный процесс. Иностранные предприятия, национализированные сначала у голландцев, а затем у англичан в ходе двух военных кампаний, формально становясь государственной собственностью, превращались в источник обогащения чиновников и военных администраторов на местах. Сформировался слой бюрократической буржуазии, не обладавшей традициями цивилизованного предпринимательства. В значительной степени именно этот слой был социальной основой государственного переворота 1965–1966 гг. в стремлении уничтожить все силы антикапиталистической ориентации.

Сюда же уходит корнями коррупция, уровень которой существенно превышает соответствующий уровень в соседних странах.

Три десятилетия военного режима при всей успешности экономического развития по сути своей не могли коренным образом изменить предпринимательскую культуру. Отсюда живучесть общинных традиций, которые идеализируются современной элитой и противопоставляются идеям свободы личности как противоречащим индонезийской самобытности.

Второй определяющий фактор заключается в том, что Индонезия представляет собой государство мультиэтническое, даже мультирасовое, мультиконфессиональное (шесть мировых религий – ислам, католицизм, протестантизм, буддизм, индуизм, и конфуцианство в сочетании с десятками верований), а также мультиправовое – позитивное право в сочетании с обычным правом, адатом, в его многообразных проявлениях. В известном смысле индонезийское общество является даже мультицивилизационным – от вполне современных городов на Яве, Суматре и других островах до полупервобытных селений в Папуа.

Население страны, превышающее по численности 280 млн человек, по данным, которые привел спикер Народного консультативного конгресса Бамбанг Сусатьо, состоит из 1 340 этносов, говорящих на 733 языках и наречиях¹. Индонезийский архипелаг насчитывает свыше 17 тысяч островов, из которых до одной тысячи обитаемых. Эти факты создают достаточно убедительное представление о сложностях, с которыми сталкиваются все политические процессы, в первую очередь позитивные, когда речь идет о целостности четвертой по численности населения державы в мире.

Неслучайно поэтому, что лозунг «Единство в многообразии» высечен на гербе Республики Индонезии, символизируя как идеал, так

и условие существования государства. Поэтому самым важным достижением индонезийского общества и государства является тот факт, что падение военно-репрессивного режима не привело не только к распаду, но и к сколько-нибудь существенным центробежным тенденциям в основных регионах страны. Исключение составили Восточный Тимор, Аче и Папуа.

В первом случае речь идет о бывшей португальской колонии, в цивилизационном отношении весьма далекой от Индонезии и насильственно присоединенной к ней в 1975 г. Сопrotивление индонезийскому господству не прекращалось здесь до вынужденного признания правительством Индонезии независимости Восточного Тимора в 1999 г. Об Аче и Папуа речь пойдет ниже. В целом же это очень важный индикатор, позволяющий судить о состоянии и политической культуре индонезийского общества.

Но проблемы, порождаемые этим многообразием, которые отодвигались на второй план предыдущими режимами, ныне встали в полный рост. Наконец, речь идет о наследии 32-летнего военно-репрессивного «Нового порядка», когда не только права человека, но и сама человеческая жизнь не были высшей ценностью.

Четыре пакета конституционных поправок, принятые в 1999–2002 гг., в сочетании с рядом законодательных актов существенно изменили политическую систему, юридическое положение граждан, прав человека. Принципиальные изменения внесены в порядок формирования центральных и местных законодательных органов: теперь они формируются путем прямого голосования – ранее часть депутатов назначалась политическими партиями и другими институтами, в том числе и армией.

Создана вторая палата парламента – Совет представителей регионов. Однако его прерогативы существенно ограничены, сведены к обсуждению вопросов регионального масштаба и представлению заключений по ним на рассмотрение высшей палаты – Совета народных представителей. В то же время Конституция существенно расширила автономию регионов. Но соответствующие статьи облечены в формулировки, допускающие широкое толкование, что в ряде случаев имеет неоднозначные последствия в тех районах, где власть оказывается в зависимости от радикальных элементов.

Были достаточно четко определены функции президента как главы исполнительной власти. В отличие от предыдущего периода, когда он и вице-президент избирались Народным консультативным конгрессом (НКК), куда входили представители партий и других об-

щественных и политических группировок, сейчас они избираются на пятилетний срок путем прямых выборов с правом баллотироваться не более двух раз. НКК, куда сейчас входят Совет народных представителей и Совет представителей регионов, вправе их сместить в случае ряда правонарушений, обозначенных в конституции.

В конце 2020 г. активно обсуждался вопрос о продлении срока пребывания на посту президента с двух до трех пятилетних периодов с внесением соответствующих изменений в Основной закон. В поддержку этой идеи выступили некоторые видные деятели. Но конец спорам положил президент Джоко Видодо, который заявил, что сторонники этой идеи руководствуются одним из трех мотивов - желанием отвесить ему пощечину, подхалимством или намерением подстроить ему ловушку². Противники поправки справедливо указывали, что ее принятие было бы равносильно открытию ящика Пандоры с непредсказуемыми последствиями. По данным опросов, 84% граждан были против трех сроков президентства, согласны только 12%³.

В соответствии с Конституцией законодательная деятельность осуществляется теперь путем согласования законопроектов между президентом и Советом народных представителей. В случае необходимости президент может издавать декреты, имеющие силу закона, но подлежащие утверждению парламентом или отмене в случае его отказа.

Президент в качестве верховного главнокомандующего вооруженными силами назначает главнокомандующего ВС с согласия парламента. В одобрении парламента президент нуждается при назначении послов и, что совершенно необычно, при выдаче агремана на прием иностранных послов. Согласие парламента требуется для объявления президентом войны, заключения мира и договоров и соглашений с иностранными государствами, имеющих далеко идущие последствия для граждан, налагающих определенное бремя на государственные финансы или требующих изменений в законодательстве (ст. 11).

В Конституцию внесена статья 7С, которая отрицает право президента распустить парламент или приостановить его деятельность.

Во времена президентства Б.Ю. Хабиби (1998–1999) и А. Вахида (1999–2001) были сняты наиболее жесткие ограничения политических свобод и прав человека, разрешено создание новых политических партий, отменены дискриминационные меры по отношению к китайской диаспоре. Была придана достаточная самостоятельность Национальной комиссии по правам человека, созданной еще в 1993 г., но функционировавшей ранее как некий придаток исполнительной власти.

Президент А. Вахид принес извинения гражданам, пострадавшим в результате террора в 1965–1966 гг., когда в ходе правого государственного переворота были физически уничтожены до миллиона сторонников и членов левых организаций, выступил за отмену запрета на марксистско-ленинскую идеологию, указав, что с идеями нельзя бороться запретами. Его призыв, однако, не нашел понимания в правящей элите, и запрет остается в силе до наших дней.

Несомненно возрос уровень гласности, что наблюдается прежде всего в средствах массовой информации. Массовые демонстрации, в том числе и оппозиционного характера, имеют место регулярно, хотя и выливаются порой в столкновения с полицией.

Эти и некоторые другие перемены носят явный отпечаток того опыта, который элита и общество в целом вынесли из 32-летнего военного управления, вполне укладывавшегося в изначальные рамки Конституции 1945 года. Нет оснований отрицать, что в эпоху реформ Индонезия достигла существенных результатов в ряде областей. Современные индонезийские лидеры рассматривают как вполне реальную цель выход страны к 2045 г. (столетию независимости) в категорию развитого государства. Некоторые авторы, однако, ставят эту цель под сомнение, поскольку она требует темпов экономического роста не менее 7% в течение 15 лет. Сейчас этот рост равен 5%⁴. Индонезия вошла в первую десятку стран мира по объему продукции обрабатывающей промышленности. В 2020 г. он составлял 210,4 млрд долл. США, в 2021 г. – 228,3 млрд, в 2022 г. – 241,8 млрд, на сентябрь 2023 г. – 192,5 млрд долларов⁵.

Индонезия в целом успешно противостояла короновирусной инфекции, что было признано и за ее пределами⁶.

Несомненно, что с вступлением в эпоху реформ Республика Индонезия наращивает свою роль на международной арене, войдя в состав «Большой двадцатки», сохраняя лидерство в АСЕАН и претендуя на дальнейшее упрочение своих позиций в соответствии с традиционными великодержавными устремлениями, сохранившимися еще со времен «направляемой демократии» Сукарно. В целом страна остается приверженной традиционному курсу активной и независимой внешней политики, предполагающей, в частности, неприсоединение к военным блокам. В то же время напряженность в районе Южно-Китайского моря имела одним из своих последствий серию совместных военных учений Индонезии и США, притом, что Китай остается крупнейшим внешнеторговым партнером и вторым крупнейшим инвестором. Соединенные Штаты стали едва ли не главным партнером

Джакарты в области военно-технического сотрудничества в значительной мере в результате санкций, обращенных против России. В последнее время отмечается активизация связей в этой области с Австралией.

Вместе с тем, конституционные и другие реформы, необходимые и полезные сами по себе, не могли преодолеть все проблемы, порожденные наследием прошлого, включая характер социальной системы. Оценивая достижения последних десятилетий, необходимо иметь в виду, что смена режима в 1998 г. не была революцией – не произошло смены господствующего слоя или класса, у власти в целом осталась та же элита с ее интересами и представлениями о демократии и об общественных интересах, принявшая демократизацию «скрепя сердце», только потому, что сохранение прежнего режима угрожало серьезными потрясениями и ее собственному существованию. Эта элита, на которую возложено осуществление реформ, тысячами нитей связана с прошлым. Юрист из *Transparency International Indonesia* Зуза Шафави в статье «Олигархия в духе Нового порядка» развивает тезис, что нынешняя олигархия унаследована от прошлого режима. «Пирамида власти, оставленная Сухарто дала потомство и вдохновляет многих. Группировки, возвращенные Новым порядком, выступили за сохранение своих экономических интересов и перестроили власть на политической арене при помощи всеобщих выборов, партий и парламента». Он называет это проклятием «Нового порядка». Если раньше управление воплощалось в одной фигуре, то теперь правят многие, но интересы те же⁷.

Конечно, индонезийский политолог Убедилах Бахрун преувеличивает, утверждая, что режим сменил маску, а его политический организм остался прежним⁸. Изменения носят существенный характер и создали юридическую возможность продолжать и закреплять реформы. Но вплоть до настоящего времени на достаточно высоком уровне высказывается мнение, что поправки, внесенные в Конституцию в 1999–2002 г. привели к утрате индонезийской нацией своей самобытности. В этом смысле высказывается, в частности, спикер Совета представителей регионов Ла Ньялла Матталити, который считает, что основной закон в его нынешнем виде далек от исконных ценностей страны⁹. При этом часто бытует утверждение, что метод голосования, принятие решения большинством противоречит главной идее индонезийской политической культуры – достижение согласия путем консультаций.

С другой стороны, вице-спикер Народного консультативного конгресса Джазибур Фаваид считает, что осуществление демократии в Индонезии еще не соответствует надеждам и под лозунгом осуществления государственной идеологии скрываются поляризация, сделки, корыстные интересы. «Наш выбор в пользу демократии был верным. Но наша культура, наше бытие еще к ней не готовы. В принципе переходу к демократии должны предшествовать соответствующий уровень образования и материального обеспечения. Эта цель еще не достигнута»¹⁰. При этом опускается вопрос о готовности к демократизации элиты, чье образование и материальный достаток вполне адекватны.

Заместитель председателя партии «Движение за великую Индонезию» (индонезийское сокращение Гериндра) Фадли Зон признает: «Наша демократия стоит очень дорого. В борьбе за места и должности участвуют очень богатые люди, те, кто имеет капитал или богатого покровителя. Фактически нашей демократией управляют, честно говоря, денежные мешки»¹¹. И это говорит второе лицо в партии, глава которой генерал в отставке Прабово Субианто в это время был министром обороны, уже дважды претендовал на пост президента и в 2024 г. был избран на этот пост. Правда, Прабово Субианто сам богат и пользуется поддержкой своего весьма состоятельного брата Хашима Джойохадикусумо.

Спикер НКК Бамбанг Сусатьо призвал пересмотреть реформу избирательной системы, осуществленную после 1998 г., отказаться от прямых выборов как президента, так и депутатов центральных и местных органов власти. Раньше президента избирал НКК, а на выборах депутатов избиратели голосовали за партии, отмечая на бюллетене соответствующий символ. Назначение депутатов на полученные места осуществлялось партийными органами. Б. Сусатьо объясняет свою позицию тем, что сейчас участие в выборах обходится кандидатам очень дорого и это побуждает их к коррупции и сделкам¹². Слова спикера НКК показывают, насколько распространена коррупция во всех эшелонах власти, и маловероятно, что это явление, о котором речь еще пойдет ниже, можно устранить, изменив систему голосования.

Характер социального строя, его официальные формулировки и оценки остаются предметом полемики. Пятый пункт государственной идеологии провозглашает социальную справедливость для всего народа страны. Сохраняющиеся поныне первый и второй пункты ст. 33 Конституции, принятой в 1945 г., гласят: 1. экономика строится путем совместных усилий на основе принципа семейности; 2. отрасли производства, имеющие важное государственное значение и затрагиваю-

щие существование широких слоев населения, находятся в ведении государства. В 2002 г. в статью был внесен п. 4, который гласит, что национальная экономика строится на основе экономической демократии в соответствии с принципами общности, справедливости, эффективности при сохранении равновесия между прогрессом и целостностью.

Включение в эту статью экономической демократии совершенно очевидно было призвано уравновесить традиционно народнический тезис о совместных усилиях на основе семейности. К началу периода реформ развитие капитализма в Индонезии зашло настолько далеко, что игнорировать его уже было невозможно, но и признать этот процесс как определяющий элита не могла, поскольку это означало бы отказ от идеологического базиса. В 2022 г. капитал десяти самых богатых людей стране составлял в целом 84,9 млрд долларов, самый богатый из них имел 23,3 млрд¹³.

Многие аналитики и СМИ признают, что реформы после 1998 г. не только не изменили сущность социального строя и социальной политики «Нового порядка», но ознаменовались усилением роли олигархов, оказывающих нередко определяющее влияние на принятие политических решений. При этом высказывается мнение, что если до 1998 г. дельцы находились под жестким контролем военных структур, то сейчас они обрели собственную политическую инициативу, используя в своих интересах процесс демократизации¹⁴. Этот анализ представляется обоснованным с той оговоркой, что социальная роль военного режима как раз заключалась в создании благоприятных условий для формирования этого слоя.

Это коренное противоречие между народнической идеологией и капиталистической реальностью не является секретом, но редко становится предметом глубокого обсуждения, поскольку монополия государственной идеологии непререкаема. Однако высказывания по этому поводу имеют место даже на достаточно высоком уровне. Наиболее откровенен в этом отношении спикер Совета представителей регионов Ла Ньялла Матталити, который, в частности, выступая в 2021 г. перед студентами, признал, что капитал, сосредоточенный в руках горстки олигархов, позволяет им подобно осьминогам обвивать власть, использовать ее в своих интересах, как и богатства страны. Отсюда растут корни несправедливости вопреки национальной идеологии¹⁵.

Пожалуй, единственным кандидатом на пост президента в ходе последней кампании, кто позволил себе использовать этот феномен,

был Анис Басведан. Обращаясь к избирателям в Аче, он сказал: «Мы знаем, что та сторона получает поддержку экономических колоссов, крупных конгломератов. А мы, те, кто здесь собрались, это народ, который борется за справедливость... Ваши плакаты написаны чернилами, купленными за свой счет, а не на подачки крупных фигур из Джакарты»¹⁶. Это высказывание тем более примечательно, что Аче – район, который уступает, может быть, только Папуа в остроте противоречий с Джакартой. Добавим, что А.Басведан был губернатором Джакарты в 2017–2022 гг. В другом случае он указывал, что неравномерность развития составляет самую большую проблему Индонезии. Он обозначил четыре сферы, где она проявляется: Джакарта в сравнении с остальной страной, Ява – с другими территориями, богатые и бедные, деревня и город, причем социальное неравенство сильнее всего проявляется в городах¹⁷.

Реформы не коснулись социального строя, они скорее были призваны создать более благоприятные условия на новом этапе развития капитализма. Незначительные уступки низам, на которые пошла элита в нулевые годы, постепенно стирались. Пятого октября 2020 г. был принят закон о создании новых рабочих мест, который существенно ограничил права трудящихся в пользу работодателей. Узаконена и расширена практика приема на временную работу и работу по контракту, увеличены допустимая продолжительность сверхурочных работ, право работодателей на сокращение выходных дней и отпусков, на увольнение работников и сокращение выходных пособий при увольнении, ограничены права правительства и местных властей в области трудовых отношений.

О ликвидации неравенства речь практически не идет. Президент Джоко Видодо лишь потребовал к 2024 г. свести к нулю долю населения, относящуюся к разряду экстремальной нищеты, каковой считается доход 1,25 ам. долл. на человека в день. В марте 2012 г. эта доля составляла 2,04%, в сентябре 2022 г. 1,74%¹⁸. В то же время Центральное статистическое управление Индонезии отмечало углубление социального неравенства. В марте 2022 г. индекс GINI составлял 0,388 против 0,381 в сентябре 2022 г. В городе рост составлял 0,409 в 2023 г. против 0,402 годом раньше при стабильном уровне 0,313 в сельской местности¹⁹.

При этом сохраняется в полном объеме монополия государственной идеологии панча сила, пять принципов которой вошли в преамбулу конституции еще в 1945 г.: Вера в Единого Бога Вседержителя; Справедливый и цивилизованный гуманизм; Единство Индоне-

зии; Демократия, направляемая стремлением к единогласию на основе консультаций и представительства; Социальная справедливость для всего народа Индонезии. Эти, повторимся, народнические по своей сути принципы служили, по крайней мере, четырем политическим режимам, включая, в частности, левонационалистическую «Направляемую демократию» Сукарно и репрессивный крайне правый «Новый порядок». Теперь они призваны служить власти в условиях, когда обнажились те неизбежные черты капиталистического развития, которые раньше воспринимались как недосмотр или эксцессы власти, а ныне выступают как органические элементы развития. Отсюда неизбежный цинизм в их восприятии на уровне «корней травы», в особенности, принципа социальной справедливости.

Красноречивым примером использования идеологии в интересах правящей элиты служит одно из выступлений Прабово Субианто в ходе предвыборной кампании в 2024 г. Он сказал, что издавна не разделяет идеи неолиберального капитализма с его всевластием рыночных отношений, и выступил за осуществление «панчасилаистской экономики», сочетающей в себе все лучшее от капитализма и социализма, когда правительство вправе вмешаться, в частности, для преодоления крайней бедности²⁰. Отметим, что апелляция к социализму в устах государственного деятеля Индонезии имеет место едва ли не в первый раз со времен Сукарно.

Но главное то, что за властями остается монопольное право давать толкование государственной идеологии в интересах господствующих слоев и группировок. Ее монопольный статус фактически исключает возможность сколько-нибудь свободной дискуссии о путях и формах развития общества. Пожалуй, единственным принципом, сохранившим свою неоспоримую жизненность, остается «Единство Индонезии».

В этих условиях главным источником идеи социальной справедливости становится религия, прежде всего ислам – мусульмане составляют около 80% населения. Религиозная ситуация в Индонезии является индикатором не только и не столько духовной жизни, сколько политических и социально-политических процессов. Особенность ситуации заключается в том, что, хотя ислам исповедует абсолютное большинство населения, мусульманские партии не набирают большинство голосов. В парламенте 2019–2024 гг. четыре мусульманские партии имели всего 171 мандат из 575, причем оппозиционная Партия справедливости и процветания – всего 50 мандатов. На парламентских выборах 2024 г. мусульманские партии (теперь уже только три) полу-

чили 27% голосов, причем ПСП только 8,4%). Аналогичная ситуация сложилась в ходе выборов президента в 2024. Кандидаты на пост президента и вице-президента Анис Басведан и Мухаимин Искандар, позиционировавшие себя как политики религиозного толка, оказались на последнем месте с менее чем 16% голосов. Это может свидетельствовать прежде всего о том, что не все верующие видят воплощение своих интересов в системных институтах. Отсюда исламский радикализм, имеющий в основе своей чувства, порожденные неравенством, и массовые выступления приобретают исламистскую окраску.

Как сообщил глава Национального управления по борьбе с терроризмом генеральный комиссар полиции Бой Рафли Амар, до половины материалов, поступающих через средства массовой информации, содержат идеи нетерпимости, унижают человеческое достоинство, насаждают радикализм. Особой восприимчивостью в этом отношении отличается молодежь²¹. По другим данным того же ведомства около 100 мусульманских школ медресе заражены радикальными идеями и причастны к деятельности террористов²².

Отметим здесь два случая массовых выступлений под руководством радикальных исламистов. В конце 2016 – начале 2017 гг. они добились поражения на выборах мэра Джакарты этнического китайца и протестанта по вероисповеданию Басуки Чахайя Пурнама, а затем его тюремного заключения по обвинению в богохульстве (он призвал избирателей не давать себя одурачивать ссылками на суру Корана, не позволяющую иметь дело с иноверцами).

В 2019 г. в Джакарте и некоторых других городах под эгидой тех же группировок были организованы протесты против итогов президентских выборов – действовавший президент Джоко Видодо одержал победу над генералом Прабово Субианто, получив 55,5% голосов. Исламисты вступили в столкновения с полицией, шесть человек были убиты и около 200 ранены. Кончилось дело тем, что после безуспешного обращения в Конституционный суд с протестом против подсчета голосов, Прабово Субианто к разочарованию исламистов принял предложение Джоко Видодо занять в его кабинете пост министра обороны. В 2024 г. он при поддержке того же Джоко Видодо одержал победу на выборах президента.

Показательна судьба Фронта защитников ислама. В интервью газете *Wall Street Journal*, перепечатанном сингапурской *The Straits Times* 20 апреля 2007 г/, бывший президент Индонезии А. Вахид сказал, что ФЗИ первоначально был создан индонезийскими военными в качестве орудия против реформаторов, но не стал их послушным

орудием. Лидер Фронта Хабиб Ризик Шихаб и его окружение стремились использовать ситуацию, возникшую в результате демократических реформ, чтобы придать авангардную роль радикальному исламу. Именно Фронт организовал акции против Басуки Чахайя Пурнама, о которой шла речь выше. Эту позицию тогда высоко оценил Прабово Субианто, сказав, что «Хабиб и все мусульманское сообщество вместе с нами боролись за интересы индонезийской демократии, за будущее страны»²³. Тридцатого декабря 2020 г. правительство объявило о прекращении деятельности и роспуске ФЗИ, формально обосновав это истечением срока официальной регистрации. Примечательно, что это решение не вызвало серьезных акций протеста.

Тем не менее, в известном смысле радикальный ислам оказался в выигрыше от демократических реформ, от известной свободы средств массовой информации в сочетании с доступом к фактически неконтролируемому интернету и отсутствием состязательности в сфере идеологии. В марте 2023 г. число пользователей интернета составляло 215,6 млн – 78,2% населения, а активными пользователями были 167 млн человек – 60,4%²⁴. По данным индонезийского антитеррористического ведомства, наиболее восприимчивы к исламистскому радикализму молодые люди в возрасте от 11 до 26 лет, т.е. родившиеся в период реформ²⁵.

Рассматривая проблему радикального ислама, политизации религии, мы неизбежно должны обратиться к вопросу о политической культуре индонезийцев. Опрос, проводившийся аналитическим центром *Survey Indicator* в начале 2024 г., обнаружил данные об уровне доверия граждан к основным политическим институтам, которые в принципе не отличались от предыдущих лет, несмотря на предвыборную полемику. На первом месте остаются вооруженные силы – уровень полного доверия и достаточного доверия в сумме 89%. Второе место занял президент – 86%, третья генеральная прокуратура – 76%, четвертое и пятое полиция и судебная система – по 75%, шестое конституционный суд – 71%, седьмое и восьмое Комиссия по борьбе с коррупцией и Народный консультативный конгресс – по 70%, девятое – Совет представителей регионов – 68%, десятое Совет народных представителей – 65% и одиннадцатое – политические партии – 64%²⁶.

Таким образом на первом месте оказалась армия, которая действует вне политической воли граждан, а на последних обе палаты парламента и политические партии, которые по воле граждан эти палаты формируют. В этих условиях как бы отсутствует то поле, где граждане выступают как носители политической инициативы. Что же

касается института президентства, то, возможно, здесь отчасти сохраняется элемент яванской культуры, которая приписывает верховному властителю благословение небес (*wahyu*). К тому же, президенты эпохи реформ в принципе избежали сколько-нибудь серьезных кризисов, что как бы подтверждает яванские воззрения.

Продолжение в: Т 2, № 2 (63), 2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey Yu. DRUGOV, DSc (Politics), Chief Researcher at the Center for Southeast Asia, Australia, and Oceania Studies, IOS RAS, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 23.04.2024;
одобрена после рецензирования 15.05.2024;
принята к публикации 31.05.2024

The article was submitted 23.04.2024;
approved 15.05.2024;
accepted to publication 31.05.2024.

¹ URL: <https://news.detik.com/berita/d-6832898/bertemu-himpunan-putra-putri-angkatan-darat...> 21.07.2023.

² The Jakarta Post, 02.12.2020.

³ Gatra (Jakarta), 16.10.2020.

⁴ The Jakarta Post, 02.11.2023.

⁵ Kompas (Jakarta), 22.12.2023.

⁶ Кочеткова Е.В. О борьбе с COVID-19 в Индонезии в 2021-2022 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Т. 2, №2 (55), 2022. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-2-2-55-125-135. С. 134.

⁷ Tempo (Jakarta), 28.11.2019.

⁸ URL: <https://kolom.tempo.co/read/1344409/wajah-gelap-22-tahun-reformasi/fukk@view=ok...> 22.05.2020.

⁹ Kompas, 23.08.2023.

¹⁰ URL: <https://news.detik.com/berita/d-6892167/singgung-politik-transnsional-waka-mpr-seb...> 23.08.2023.

¹¹ URL: <https://www.beritasatu.com/politik/643639/fadli-zon-demokrasu-kita-dikendalikan-cukong...> 11.05.2020.

¹² URL: <https://news.detik.com/pemilu/d-7090535/bamsoet-dorong-kaji-ulang-sistim-demokrasi...> 15.12.2023.

¹³ Kompas, 28.10.2022.

¹⁴ См., в частности, URL: <https://kolom.tempo.co/read/1520685/di-bawah-bayang-bayang-oligarki/full-@-view-ok...> 01.11.2021.

¹⁵ URL: <https://news.detik.com/berita/d-5743742/lanyalla-sebut-oligarki-pe...> 26.09.2021.

¹⁶ Kompas, 27.01.2024.

¹⁷ Kompas, 04.02.2024.

¹⁸ Kompas, 08.05.2023.

¹⁹ Kompas, 12.01.2024.

²⁰ Kompas, 17.07.2023.

²¹ URL: <https://news.detik.com/berita/d-5416545/kepala-bnpt-hampir-50-medsos...> 27.02.2023.

²² Jawa Pos (Jakarta), 27.01.2022.

²³ The Jakarta Post, 20.04.2017.

²⁴ URL: <https://news.detik.com/berita/d-6832898/bertemu-himpunan-putra-putri-angkatan-darat-> 21.07.2023

²⁵ URL: <https://news.detik.com/berita/d-7115325/riset-bnpt-2023-wanita-dan-gen-z-rentan-terp...> 29.12.2023

²⁶ Kompas, 23.01.2024